

УДК [811.161.1+ 81.161.3]:004.738.5

UDC [811.161.1+ 81.161.3]:004.738.5

**ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ НЕРЕФЛЕКСИВНЫХ
МЕТАЯЗЫКОВЫХ
КОММЕНТАРИЕВ В РУССКО-
И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ
ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ**

**TACTIC-STRATEGIC
ORGANIZATION OF NON-REFLEXIVE
METALANGUAGE COMMENTARIES IN
RUSSIAN AND BELARUSSIAN
INTERNET-DISOURSE
OF BELARUS**

Т. В. Бобко,
*кандидат филологических наук,
доцент, докторант кафедры
речеведения и теории
коммуникации МГЛУ*

T. V. Bobko,
*Candidate of Philology, Associate
Professor, Doctoral Candidate of the
Department of Speech Studies and
Theory of Communication, MSLU*

Поступила в редакцию 05.02.16

Received on 05.02.16

В статье рассматриваются тактико-стратегические закономерности организации русско- и белорусскоязычных высказываний, содержащих положительную и отрицательную метаязыковую оценку. Исследование проводится на материале русско- и белорусскоязычных популярных неспециализированных интернет-форумов Беларуси, что позволяет наблюдать непосредственную метакоммуникативную рефлексия говорящих. Установлено, что при отрицательной оценке русскоязычные коммуниканты используют некооперативные речевые тактики, а белорусскоязычные – кооперативные, что обусловлено разными коммуникативными целями отрицательных метаязыковых оценок; при этом сходство речевых тактик положительных оценочных комментариев объясняется фактическим предназначением этих реплик. Определены различия в способах аргументации при выражении отрицательных метаязыковых оценок. Выявлено, что специфика выражения отрицательной оценки связана с разницей в функциях и восприятии русского и белорусского языков в условиях языковой ситуации Беларуси и разным социальным составом русско- и белорусскоязычных пользователей.

Ключевые слова: метакоммуникация, метаязык, наивная лингвистика, обыденное метаязыковое сознание, языковая ситуация.

The article deals with strategic and tactical patterns of the organization of Russian- and Belarusian-language statements containing positive and negative metalanguage assesment. The study is carried out on the material of Russian and Belarusian popular non-specialized online forums of Belarus, which allows to observe directly the metacommunicative reflection of speakers. It has been found that Russian-speaking communicants use non-cooperative speech tactics of the negative assessment, and Belarusian-speaking – cooperative tactics; while the similarities of speech tactics of the positive assessment are explained by the phatic purpose of these comments. The article defines the differences in the methods of reasoning when expressing negative metalanguage assessments. It has been found that the specific expression of negative evaluation is related to the difference in functions and perception of the Belarusian and Russian languages in a language situation in Belarus and the different social composition of Russian- and Belarusian-speaking Internet users.

Keywords: metacommunication, metalanguage, folk linguistics, ordinary metalanguage consciousness, language situation.

Исследование деятельности обыденного метаязыкового сознания становится особенно продуктивным при сопоставительном изучении метаязыковой деятельности носителей разных языков, что дает возможность выявить условия, влияющие на выход метаязыковой рефлексии в светлое поле сознания и обуславливающие содержательные и прагматические особенности метаязыковых высказываний. Специфика языковой ситуации Беларуси, при которой формально равностатусные языки имеют

в действительности неодинаковые условия функционирования, дает возможность определить те проявления метаязыкового сознания русско- и белорусскоязычных белорусов, которые связаны с представлениями о функциях этих языков и их роли в современном белорусском культурном пространстве.

Цель данной статьи заключается в установлении закономерностей тактико-стратегической организации нерелексивных (направленных на чужое сообщение) оценочных метаязыковых комментариев,

функционирующих в русско- и белорусскоязычной повседневной коммуникации на популярных интернет-форумах Беларуси, а также выявлении факторов, определяющих выбор той или иной тактики. Обращение к интернет-источникам обусловлено, во-первых, возможностью непосредственно наблюдать факты метаязыковой рефлексии в обыденном общении на обоих языках, а во-вторых, тем, что интернет-общение стимулирует оценочную метаязыковую деятельность говорящих (см. об этом подробнее у Н. Д. Голева [1]).

Мы полагаем, что выбор речевой тактики (под речевой тактикой мы понимаем, вслед за О. С. Иссерс, действие, реализующееся коммуникативным ходом и направленное на воплощение общей коммуникативной цели [2, с. 109–129]) в ситуациях негативной метаязыковой оценки определяется русским или белорусским языком интернет-общения. Так, отрицательнооценочные нерелексивные метаязыковые комментарии русско- и белорусскоязычных пользователей существенно различаются в отношении целей оценки и, соответственно, в выборе способа ее воплощения. Если для белорусскоязычного пользователя критика языковой компетенции собеседника связана со стремлением установить правильное употребление слова или прояснить вопрос о его существовании в белорусском языке, то для русскоязычного коммуниканта метакритика, как правило, является частью стратегии дискредитации собеседника. Это различие определяет разницу в наборе речевых тактик, используемых для выражения метаязыковой оценки. Русскоязычные пользователи используют следующие тактики;

1) ставят под сомнение или достоверность сообщаемого, или компетентность адресата в данном вопросе:

– *Вопрос в чем...* Как многие здесь на форуме уже знают, я скептик. И в данный момент я задаюсь вопросом: «А есть ли мальчик?» Пардон, девочка) Есть ли она вообще, эта тринадцатилетняя Лена, которая никогда не видит белого света, так как не выходит на улицу, и только пишет, пишет, пишет...? Стиль оформления тоже вызывает сомнения:

– *Цитата:*

Вот я и подумала, раз мне история понравилась, возможно понравится кому-то ещё.

– *Цитата:*

а так, я считаю, это будут честно заработанные деньги.

– *Цитата:*

*Делаю презентации к курсовым дипломным и др.
Недорого.*

представляю эти ПРИЗЕНТАЦИИ (((; 2) переходят «на личности», то есть рассматривают метаязыковую критику как повод высказать мнение о собеседнике:

– *Цитата:*

Гармония – это жизнь в удовлетворительной связи с окружающим миром (если мы говорим о гармонии с миром). Когда эта связь приносит чувство удовлетворения обеих сторон.»

Я вижу, у вас проблемы не только с грамматикой, но и логикой. ОБЕИМ сторонам! А не только одной.... То есть общество (окружающая среда) тоже должно быть вами довольны;

3) прибегают к иронии:

– *Цитата:*

Если про диссертацию то она связана со спортом и медициной.

Защищайтесь по филологии, это станет занятием вам еще лет на 40!

4) используют «маску» дилетанта:

– *Цитата:*

если люди не верят ни сертификатам, ни патентам

Уточните, пожалуйста, что Вы подразумеваете под словом «патент», потому что я знаю лишь слова «патент» и «импотент», но я всегда рада восполнить пробелы в своих знаниях в этой области;

5) дают рекомендации, то есть выступают в позиции советчика или учителя:

- Перечитывайте, пожалуйста, то что написали, перед тем как отправлять ... учитывая все опуски, пропущенные слова и отсутствие знаков препинания, понять, что Вы хотели сказать, сложно ...

Очевидно, что для русскоязычных метаязыковых оценок характерно использование некооперативных тактик; что совершенно несвойственно белорусскоязычной метаязыковой деятельности: в нашем материале не было зафиксировано ни одного случая использования метаязыковой оценки для дискредитации собеседника или для других некооперативных целей. Для белорусскоязычных коммуникантов основной целью в ситуациях метаязыковой критики является

установление истины относительно той или иной языковой единицы или подсистемы, что связано, во-первых, с хорошо ощущаемой собеседниками вариативностью норм современного белорусского языка, которая стала постоянным предметом активных обсуждений белорусоведов [3–5], а во-вторых, с определенной долей языкового пуризма, проявляющегося в выраженном стремлении к языковому идеалу. Соответственно, для белорусскоязычных метаязыковых оценок характерны кооперативные тактики, стимулирующие собеседника к продолжению конструктивного диалога и позволяющие смягчить сам факт того, что говорящий прерывает беседу (то есть нарушает один из базовых постулатов успешной коммуникации – постулат релевантности [6]) и обращает внимание на ошибки в чужих сообщениях:

1) прогнозирование желаемой реакции адресата в комбинации с оправданием:

– *Выцёмка:*

Асабіста дзеля мяне ў гэтым сэнсе вельмі паказальнай была

хацела сказаць...спадзяюся, зразумееш правільна, а не як жаданне павучыць. Проста не праходзіцца міма мне.) «Дзеля» збольшага адпавядае рускаму «раді»;

2) извинение, иногда также в комбинации с оправданием:

- Прабачце, вядома, але тэрміна 'расейская мова' не існуе, мне здаецца. Ёсць руская мова. Ёсць мовы іншых народаў Расіі, бо гэта шматнацыянальная дзяржава. Дзяржаўная мова ў Расіі – руская, але не расейская. Прабачце яшчэ раз. Але вы самі прасілі звяртаць увагу на памылкі;

3) вопрос по поводу употребления того или иного слова:

– *Выцёмка:*

мароз велькі

А чаму не вялікі?

4) присоединение к адресату (то есть своеобразная демонстрация общности в уровне овладения языком):

– *Выцёмка:*

гаспадтрымка

дзярж...падтрымка. Папалася? І я, бывае, пападаюся на гэтым;

5) запрос разрешения на исправление ошибки:

– *Выцёмка:*

Прыйшлося набыць ёй гэтую кнігу, блэга і шрыфт добры, і малюнкi якасныя.

Можна я адно слова папраўлю? «Блага» – гэта «дрэнна»;

6) шуточное утрирование, которое служит для смягчения критического замечания:

– *Выцёмка:*

іжэ з імі.

дазволь, я цябе ўкушу. Няма такога слова ў беларускай мове.

Различие в целях метаязыковой критики связано с разницей в отношении к языку общения, обусловленной неодинаковым восприятием русского и белорусского языков в языковой ситуации Беларуси: поскольку белорусский язык, в отличие от русского, воспринимается не только как средство коммуникации, но и как символ народа [7, с. 100; 5, с. 5] и показатель образованности человека [8, с. 149; 5, с. 5], правильности белорусской речи (даже и в повседневном общении) придается особое значение. Возможно, отчасти это внимание к соблюдению норм языка связано и с тем фактом, что белорусский язык сегодня является в основном языком интеллектуальной элиты [5, с. 5]. Для коммуникации на русском языке подобная символическая «нагрузка» нехарактерна, поэтому интернет-собеседники используют языковые погрешности в чужих сообщениях для реализации собственных коммуникативных интенций.

Русско- и белорусскоязычные метакомментарии обнаруживают значительные различия в используемых в отрицательно-оценочных комментариях аргументах. Как правило, комментируя замеченные нарушения языковой нормы, русскоязычный говорящий апеллирует к эмоциям и использует в качестве обоснования отрицательной оценки эмоционально-экспрессивную лексику или выражения со значением физического воздействия на органы восприятия:

- Прочла ненавистное слово «стирка»... Неужели нельзя написать – «стерка»? Деревня.

- Перестаньте уже писать иняз с твердым знаком, режет глаз.

- Меня лично от слова «востановление» уже мутит слегка.

В обоих случаях говорящий фокусируется на собственном восприятии и том эмоциональном эффекте, который провоцирует недостаточная грамотность собеседника. Для белорусскоязычной метакоммуникации апелляция к эмоциям менее характерна:

- Дзяўчаты, няма ў беларускай мове слова «начала» ёсць «пачатак». «Узначаліць», «падначалены» – так, слых не каробіць. А «начальнік» – не магу чуць, вушы круціць.

(Я ўсё на слых, прабачце, правілаў не памятаю аніякіх).

В качестве аргументов обычно используется апелляция к авторитетным источникам (словарю, учебнику, специализированной телепередаче, авторитетному носителю языка) или обращение к собственной языковой компетенции, так называемому чувству языка:

– Лепш будзе «Пра ўсе». У моўніку (па Белсату) распавядалі, што беларускай мове неўласціва форма «аб». Часцей за ўсё кажуць «пра». Казаць пра, думаць пра, размова пра. «Аб» – для афіцыйнай мовы, то бок законаў, пастаноў і г. д. (Закон аб адукацыі ...) Таму я і прапаную. Да таго ж «аб усім» мне неяк дзіўна гучыць.

– Баюся памыліцца, але як памятаю, у школе менавіта так і вучылі. А ў слоўніку Булькаў (у класе ў старэйшай цэнтралізавана куплялі) гэтага слова наогул няма...

– Як па мне, «услых» – гэта з адценьнем «выказаць сваю думку ўслых», а «уголас» – гэта менавіта чытаць / галасіць / етс ня моўчкі. Але гэта маё меркаваньне, я не лінгвіст і не мовазнаўца.

Проверка нормативности употребления слова с помощью языковой интроспекции и использование этого способа для доказательства своей правоты являются отличительной чертой белорусскоязычной метаязыковой деятельности и связаны, по нашему мнению, с уже упомянутой вариативностью норм современного белорусского языка: ощущая гибкость лексических и грамматических норм и замечая многовариантность их отражения в словаре, говорящий вынужден опираться на собственную языковую интуицию, чтобы обосновать выбор того или иного варианта. Русскоязычный пользователь не ставит своей целью соответствовать языковому идеалу и, соответственно, не заботится о доказательности своих метаязыковых оценок: более важным для него становится выражение эмоционального отношения к несовершенствам чужой речи без намерения повлиять на языковую компетенцию адресата. С этим связано и внимание русско- и белорусскоязычных говорящих к разным подсистемам языка: русскоязычный пользователь фокусируется на орфографических (реже – стилистических) нарушениях, белорусскоязычный – на правильности употребления слов и чистоте языка. В целом используемые русско- и белорусскоязычны-

ми пользователями аргументы отличаются соответственно эмоциональным или рациональным характером: русскоязычная метаязыковая критика сосредоточена в сфере сенсорно-вкусовых оценок («нравится – не нравится»), белорусскоязычная – в сфере нормативных оценок («правильно – неправильно»), что связано с важностью «легитимности» употребления данной языковой единицы (мы используем классификацию оценочных значений Н. Д. Арутюновой [9, с. 198–200]).

Положительнооценочные метаязыковые комментарии русско- и белорусскоязычных пользователей реализуются тактиками похвалы и одобрения, которые, как и другие тактики сближения, служат для установления контакта и поддержания хороших отношений и позволяют сокращать дистанцию между коммуникантами [2, с. 177]:

– Цитата:

А рекреация есть?

О, меня это слово порадовало... Так звучит, так звучит;

– Цитата:

«походушку»

отличное слово нашлось!

– Выцёмка:

цыраваць

Класнае слова)) я люблю такія аўтэнтычныя словы;

– Выцёмка:

паднядзЕліцца

ооо, як прыгожа, самабытна!!! Якое «смачнае» слова.

Фатическая функция положительных оценок предопределяет гораздо меньшее их разнообразие и большую однородность в содержательном и прагматическом отношении по сравнению с отрицательными оценками: говорящие ограничиваются кратким замечанием по поводу выбранного (или придуманного) собеседником слова, иногда с указанием на положительную эмоциональную реакцию по этому поводу. Общность цели подобных метакомментариев обуславливает их сходство в русско- и белорусскоязычном интернет-дискурсе; любопытно при этом, что отрицательнооценочные комментарии рассматриваются говорящими как более подходящие для достижения собственных коммуникативных целей и являются частью соответствующих стратегий, а положительнооценочные скорее служат для поддержания кратковременного контакта. Различие русско- и белорусскоязычных положитель-

нооценочных метакомментариев заключается не в функции, а в том, что именно привлекает говорящих в языковой форме сообщения: русскоязычные коммуниканты обращают внимание на слова, свойственные книжной речи (так, в приведенном выше примере слово *рекреация* выглядит явным диссонансом в обыденной разговорной коммуникации), а белорусскоязычные – на богатый словарный запас (в примере выше слово *цыраваць* заслужило похвалу именно за самобытность, «белорусскость»). При этом и те и другие пользователи «замечают» удачные окказионализмы, но если для русскоязычного собеседника важнее удачное название обсуждаемого предмета, особенно если этот предмет не имеет однословного наименования (так, словом *походушка* была названа маленькая сумка на длинном ремне

через плечо для необходимых мелочей), то для белорусскоязычного важной характеристикой оказывается уже упомянутая самобытность слова.

Таким образом, специфика тактико-стратегической организации русско- и белорусскоязычного метаязыкового комментария связана с двумя факторами: целями метаязыковой критики и / или коррекции (для белорусскоязычного пользователя правильность языка является целью, для русскоязычного – средством для реализации собственных коммуникативных намерений) и теми нормами языка, соблюдение которых является важным для говорящих (русскоязычные пользователи обращают внимание на стилистическую окраску и орфографическую правильность языковых единиц, белорусскоязычные – на чистоту языка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев, Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации / Н. Д. Голев // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 5 (25). – С. 12-31.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
3. Запрудскі, С. Н. Стаўленне да некаторых інавацый беларускай літаратурнай мовы (паводле дадзеных сацыялінгвістычнага апытання) / С. Н. Запрудскі // Studia Białorutenistyczne. – 2008. – 2. – С. 303–327.
4. Клімаў І. П. Да асэнсавання нарматыўнага плюралізму ў беларускай літаратурнай мове / І. П. Клімаў // Беларуская арфаграфія: Здабыткі і перспектывы : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 20–21 кастр. 2011 г. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2012. – С. 18–27.
5. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ў пачатку XXI стагоддзя / А. А. Лукашанец // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2009. – № 1. – С. 4–10.
6. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985. – С. 217–237.
7. Мячкоўская, Н. Б. Мовы і культура Беларусі : нарысы / Н. Б. Мячкоўская ; Філал. фак. Беларус. дзярж. ун-та, Ін-т мовы і літ. НАН Беларусі, Беларус. кам. славістаў. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – 346 с.
8. Лянкевіч, А. У. Стаўленне да беларускай мовы ў інтэрнэт-камунікацыі (на матэрыяле дыскурсу-аналізу каментарыяў на інтэрнэт-форумах) / А. У. Лянкевіч // Acta Albaruthenica. – Warszawa, 2013. – Т. 13. – С. 145–159.
9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

REFERENCES

1. Golev, N. D. Russkaya pismennaya razgovornaya rech i yeyo otrazheniye v obydennom metayazykovom soznanii uchastnikov virtualnoy kommunikatsii / N. D. Golev // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya. – 2013. – № 5 (25). – S. 12–31.
2. Issers, O. S. Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi / O. S. Issers. – M. : Yeditorial URSS, 2002. – 284 s.
3. Zaprudski, S. N. Staulenne da nekatorykh inavatsyy belaruskay litaraturnay movy (pavodle dadzenykh satsyialingvistychnaga apytannya) / S. N. Zaprudski // Studia Białorutenistyczne. – 2008. – 2. – S. 303–327.
4. Klimau, I. P. Da asensavannya narmatyunaga plyuralizmu u belaruskay litaraturnay move / I. P. Klimau // Belarusaya arfagrfiyya; Zdabytki i perspektyvy: materyyaly resp. navuk.-prakt. kanf., Minsk, 20–21 kastr. 2011 g. – Minsk : Vyd. tsentr BDU, 2012. – S. 18–27.
5. Lukashanets, A. A. Belaruskaya mova u pachatku XXI stagoddzya / A. A. Lukashanets // Vesnik Belaruskaga dzyarzhhaunaga universiteta. Seryya 4, Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika. – 2009. – № 1. – S. 4–10.
6. Grays, G. P. Logika i rechevoye obshcheniye / G. P. Grays // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – Vyp. 16. – M., 1985. – S. 217–237.
7. Myachkouskaya, N. B. Movy i kultura Belarusi: narysy / N. B. Myachkouskaya; Filal. fak. Belarus. dzyarzh. un-ta, In-t movy i lit. NAN Belarusi, Belarus. kam. slavistau. – Minsk: Prava i ekanomika, 2008. – 346 s.
8. Lyankevich, A. U. Staulenne da belaruskay movy u internet-kamunikatsyi (na materyyale dyskurs-analizu kamentaryyau na internet-forumakh) / A. U. Lyankevich // Acta Albaruthenica. – Warszawa, 2013. – T. 13. – S. 145–159.
9. Arutyunova, N. D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. – M. : Yazyki russkoy kultury, 1999. – 896 s.